

ГЛЕБОВА ДАРЬЯ СЕРГЕЕВНА

Аспирантка отдела типологии и сравнительного языкознания
Института славяноведения РАН; Преподаватель Школы филологических
наук НИУ «Высшая школа экономики»
darsgleb@gmail.com
<https://inslav.academia.edu/DariaGlebova>

Рукописная вариация между оригиналом и исследователем (эссе ответственного редактора)

В статье дается краткий обзор основных подходов к вариации при рукописной трансмиссии текста в Средние века и показываются различия между некоторыми существующими исследовательскими традициями. Эта методологическая неоднородность подходов к средневековой рукописной вариации требует сравнительной перспективы при работе с различными книжными культурами Средневековья. Основное внимание уделяется рукописным традициям на народных языках (vernacular languages) на примерах древнерусских летописей и древнеисландских саг.

Ключевые слова: вариация; критика текста; новая филология; переписчики; реконструкция; текстология; трансмиссия средневековых текстов.

DARIA GLEBOVA

Post-Graduate Student, Department of Typology and Comparative Linguistics, Institute for Slavic Studies, Russian Academy of Sciences; Lecturer, School of Philological Studies, National Research University “Higher School of Economics” (Moscow)
darsgleb@gmail.com
<https://inslav.academia.edu/DariaGlebova>

Manuscript Variation between the Original and the Researcher (Editor’s Foreword)

The paper makes an overview of the existing approaches towards variation in the medieval manuscript transmission and maps the differences between them. This heterogeneity of the current research paradigms calls for a comparative view on the medieval manuscript variation. Particular attention is given to the vernacular manuscript traditions using the examples of Old Russian chronicles and Old Icelandic sagas.

Key words: Medieval Texts Transmission; New Philology; Reconstruction; Scribes; Text Criticism; Textology; Variation.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Глебова Д. С. Рукописная вариация между оригиналом и исследователем (эссе ответственного редактора) [Электронный ресурс] // Vox medii aevi. 2020. Vol. 1–2(6–7). С. 14–27. URL: <http://voxmedii.aevi.com/2020-1-2-glebova>

DOI

10.24411/2587-6619-2020-10001

FOR CITATION

Глебова Д. С. Рукописная вариация между оригиналом и исследователем (эссе ответственного редактора) [Digital Resource] [Glebova D. Manuscript Variation between the Original and the Researcher (Editor’s Foreword)] // Vox medii aevi. 2020. Vol. 1–2(6–7). P. 14–27. URL: <http://voxmedii.aevi.com/2020-1-2-glebova>

DOI

10.24411/2587-6619-2020-10001

ДАРЬЯ ГЛЕБОВА

Рукописная вариация между оригиналом и исследователем (эссе ответственного редактора)

Сравнение текстов для установления верных и ошибочных чтений практиковалось еще во времена александрийских грамматиков¹. Сама по себе эта практика была следствием бытования текстов в рукописной форме — чтобы получить фрагмент текста, его нужно было переписать. И у александрийских грамматиков, и у средневековых книжников такая форма трансмиссии (т. е. сохранения, передачи) текста часто не вызывала доверия, поэтому переписчики исправляли ошибки, которые обнаруживали в копируемых текстах — или то, что они считали ошибками. Таким образом, в рукописной традиции произведения появлялись разночтения. Исправления новых книжников могли быть самого разного рода — от удаления механических ошибок (или, наоборот, внесения в текст новых описок) до различных стилистических или содержательных нововведений. Так, например, Григорий Турский специально отмечал в «Истории франков», что стиль его труда не должен подвергаться правке: «Если тебя, о служитель божий, кто бы ты ни был, обучил семи свободным искусствам [наставник] наш Марциан... если ты станешь после этого столь искушенным во всех сих искусствах, что наш язык покажется тебе слишком грубым, я умоляю тебя — не уничтожай все же написанного мною»². Судя по подобным комментариям, проблема изменения текста при переписывании стояла остро — сами авторы осознавали неустойчивость собственных слов.

На протяжении последних двух столетий медиевистическая филология сформировала несколько подходов к рукописной

1. Мецгер Б. М. Текстология Нового Завета. Рукописная традиция, возникновение искажений и реконструкция оригинала / пер. с англ. Д. Браткин. 2-е изд. М., 2018. С. 214.

2. Григорий Турский. История франков / пер. В. Д. Савуковой. М., 1987. С. 318. Ср. также Ауэрбах Э. Мимесис. Изображение действительности в западноевропейской литературе. М., СПб., 2000. С. 81. Схожие комментарии средневековых книжников, судя по наблюдениям Д. С. Лихачева, находятся и в древнерусских рукописях («...древнерусские рукописи очень часто заключают в себе призывы к будущим переписчикам ничего не исправлять в рукописях, переписывать все, не внося в текст никаких изменений» Лихачев Д. С. Текстология. М., 2001. С. 83).

вариации при трансмиссии средневекового произведения. Опубликовано немало обзоров развития критики текста в Европе или текстологии в России³, я же кратко опишу здесь три самых влиятельных подхода-перспективы, вокруг которых будет вестись дискуссия на страницах открытого читателем номера *Vox medii aevi*. Первый из них — **реконструкторский**; его фундамент формировался в исследованиях античных и библейских текстов. В конце XVIII в. особенности рукописной трансмиссии обратили на себя внимание европейской филологии благодаря труду Фридриха Августа Вольфа «*Prolegomena Ad Homerum*» (1795)⁴, где утверждалось, что поэмы Гомера являются плодом работы позднейших редакторов — с точки зрения Вольфа, чтобы прикоснуться к поэмам самого Гомера, их необходимо было «очистить» от позднейших наслоений⁵. Эта теория стала отправной точкой для формирования критики текста как дисциплины в XIX в.: в попытке реконструировать оригинальный текст «Песни о Нибелунгах» (а в 30–40-е годы XIX в. — и Гомера) Карл Лахман использовал знаменитый генеалогический метод, развитый позже в трудах его последователей⁶. Основой метода было сопоставление дошедших до исследователя списков произведения и описание их соотношений между собой — в работах современников Лахмана эти соотношения стали даваться в виде генеалогической *stemma codicum* (ср. генеалогическое древо в сравнительном языкознании)⁷. Для подобного описания собирались все случаи ошибок, после чего рукописи, имеющие одинаковые ошибки, группировались. На основе сопоставления рукописей внутри группы реконструировался их протограф, на основе сопоставления протографов воссоздавался уже их протограф и т. д. вплоть до оригинала, *Urtext*. При реконструкции выбирались «лучшие» чтения — т. е. те, которые, согласно анализу соотношений между списками, могли быть в оригинале. Издания, выполненные по этому принципу, предполагали публикацию реконструированного текста, а разночтения рассматривались как позднейшая порча авторского текста, которую издатели стремились из текста убрать.

3. О критике текста см. эссе М. В. Шумилина и Г. А. Шмидта (С. 76–107), а также библиографию к ним в этом номере. О текстологии древнерусской литературы: Ретроспективные заметки по методологии // Русская литература. 2014. №1. С. 18–51; Алексеев А. А. Перспективы текстологии: от реконструкции архетипа к истории текста // ТОДРЛ, 2003. С. 50–57.

4. Wolf F. A. *Prolegomena ad Homerum*. Halis Saxonium, 1795.

5. Россус А. А. Еще раз о гомеровском вопросе и о рождении филологического метода // Новое литературное обозрение. 2005. № 3. С. 182–186.

6. Вовина-Лебедева В. Г. К. Лахман и А. А. Шахматов // Canadian-American Slavic Studies. 2016. Vol. 50(1). С. 28–30; см. также библиографию в сносках. Об использовании генеалогического метода в трудах Лахмана в рамках германистики см. также работу *Timpanaro S. The Genesis of Lachmann's Method / trans. by G. W. Most. Chicago, London, 2005* (особенно P. 80–81). Известно, что сам по себе генеалогический метод не был создан Лахманом — скорее, этот метод скоро стал с ним ассоциироваться: см. подробнее *Timpanaro S. The Genesis... P. 115–118*, а также статью М. В. Шумилина в этом номере (С. 28–75).

7. Хотя сам Лахман не использовал стеммы, подобные схемы стали обязательным элементом в трудах его последователей. Об истории термина *stemma codicum* см. *Timpanaro S. The Genesis... P. 90–101*. Подробнее о генеалогическом методе см. *Maas P. Textkritik. Leipzig, 1960*.

Второй подход — **антиреконструкторский** — родился из критики генеалогического метода, представленной в начале XX в. французским филологом Жозефом Бедье. В лахмановской тотальной реконструкции на основе выбора «лучших чтений» Бедье видел пространство для субъективного выбора издателя (например, в случаях равнозначных вариантов), а также излишнюю механистичность⁸. Вместо реконструкций Бедье предложил класть в основу публикации «лучшую рукопись», избранную издателем на основе стеммы или же иных соображений, а процесс «улучшения текста» (*emendatio*) сократить до исправления явных, механических ошибок переписки. Этот подход радикально отличался от реконструкторского, так как признавал невозможность доступа к оригинальному сочинению и предлагал знакомиться с произведением в том виде, в котором оно дошло до наших дней.

Третий подход можно назвать **«поворотом к средневековому читателю»**. В европейской медиевистике он был концептуально выражен в номере-манифесте журнала *Speculum* (1990/1). Его авторы — провозгласившие приход «новой филологии» — отталкивались как от критики реконструкции, так и от критики подхода Бедье. Так, по наблюдению С. Николса, издательская стратегия Бедье происходила из его уверенности в том, что «равноправные» варианты (т.е. не механические ошибки переписки) могли выйти только из-под руки первоначального автора⁹. В результате, Бедье не рассматривал возможность сознательного исправления в процессе трансмиссии — например, из-за того, что у нового переписчика или редактора изменилась нарративная стратегия или понимание реалий. Как остроумно заметил Николс, такой подход скорее характерен для издания литературы нового времени, знакомой с культурой печати (Бедье даже пользовался соответствующей терминологией — «*publication, tirer, états*»)¹⁰.

Кроме критики предшественников, «новая филология» во многом вдохновлялась спекулятивным эссе Б. Серкилини, по мнению которого вообще любой акт переписывания в рукописных традициях на народных (*vernacular*) языках приводил к изменениям, а сам протограф для средневековых писцов

8. Bédier J. La tradition manuscrite du Lai de l'Ombre: réflexions sur l'art d'éditer les anciens textes // Romania. 1928. Vol. 54. P. 161–196, 321–356. Подробнее о методе Бедье см. в эссе Г. А. Шмидта в этом номере (С. 76–107) и в работе М. В. Шумилина (С. 28–75).

9. Jean Renart. Le lai de l'ombre / publié par J. Bédier. Paris, 1913. P. xxxvii–xxxviii. Цит. по: Nichols S. G. Introduction: Philology in a Manuscript Culture // Speculum: A Journal of Medieval Studies. 1990. Vol. 65(1). P. 6.

10. Ibid.

всегда был «мастерской» для создания нового текста¹¹. По причине такой неустойчивости средневековой рукописной трансмиссии, вместо публикации произведения только по одной рукописи или его реконструкции в этом эссе он предлагал публиковать и изучать произведение во всех его воплощениях — большую надежду в этом деле Серкилини возлагал на электронные издания¹². Эту идею подхватил манифест «новой филологии»: его авторы призывали анализировать различия в контексте всей рукописи, в которой они появляются, а также рекомендовали обращать внимание на то, какую историю сама рукопись (ее маргиналии, иллюстрации, рубрики и т.п.) может рассказать о своих создателях и читателях. Таким образом, каждая рукопись оказывалась потенциальным следом чьего-то читательского опыта, который исследователь мог увидеть — стоило только сосредоточить внимание не на оригинальном произведении, а на его новом конкретном воплощении в том или ином списке, на вариации.

Проблема, присущая всем трем подходам — это их установка на всеохватность. Как Лахман верил в универсальность генеалогического метода и применял его и к «Песни о Нибелунгах», и к Лукрецию, так и Серкилини считал неустойчивость текста неотъемлемым свойством всех средневековых рукописных традиций. Критика таких универсалистских взглядов — ее можно найти в том числе на страницах этого номера *Vox medii aevi* в работах М. В. Шумилина и Г. А. Шмидта — показывает, что средневековая ситуация выглядела не совсем так: например, для некоторых произведений характерна большая устойчивость в рукописной традиции, чем для других¹³. В итоге разнообразие материала и исследовательских целей требуют гибкости в выборе методологии. Поэтому задача настоящего номера — не популяризация одного из подходов, а попытка охватить взглядом то, как исследователи работают с вариацией в разных научных традициях, иногда обращаясь к теоретическому мейнстриму, а иногда исходя только из особенностей исследуемого материала. В статьях, представленных ниже, читатель найдет как подробное обсуждение названных подходов, так и примеры работы

11. ... the fact that one hand was the first was probably less important than this continual rewriting of a work that belonged to whoever prepared it and gave it form once again. This constant and multifaceted activity turned medieval literature into a writing workshop. ... The scribal work was commentary, paraphrase, supplementary meaning, supplementary language, brought upon a letter that was essentially unfinished (Cerquiglini B. *Éloge de la variante. Histoire critique de la philologie*. Paris, 1989. = *Cerquiglini B. In Praise of the Variant: A Critical History of Philology* / trans. by B. Wing. Baltimore, 1999. P. 33).

12. Ibid. P. 75.

13. Ср., например, четкое разграничение, которое проводит Дж. Баун, анализируя трансмиссию текстов в византийской книжности: в то время как произведения «литературного канона» (например, Платон или апостол Павел) копируются близко к тексту, апокрифическая литература намного менее стабильна и изменяется чаще (Baun J. *Tales from Another Byzantium: Celestial Journey and Local Community in the Medieval Greek Apocrypha*. Cambridge, 2007. P. 35-36; цит. по: Живов В. М. *История языка русской письменности*. М., 2017. Т. 1. С. 218).

с вариацией: от рукописной традиции «Англосаксонской хроники» до средневековых географических карт и иллюстраций старофранцузских рукописей. Во многом эта сравнительная перспектива связана с закрытостью дисциплинарных границ: как филолог-русист не часто осведомлен о характере вариативности в латинской или древнеанглийской рукописных традициях и о теоретических разработках их исследователей, так и наоборот. Эти границы нам хотелось преодолеть, первым результатом чего стал открытый читателем номер.

Необходимость сравнительного подхода становится яснее, если обратить внимание на то, что при работе с некоторыми рукописными традициями идею о значимости вариации исследователи принимают лучше, чем в иных случаях. Так, например, показательна работа И. Г. Матюшиной о различных нарративных стратегиях в версиях «Англосаксонской хроники» — памятника, в силу своей анналистичности по природе подвижного, где исправление записей предшественника было нормой¹⁴. Работая с произведениями такого типа, исследователи охотнее принимают идею о неустойчивости текста, а реконструкция исходного оригинала часто становится совершенно невозможной и не оказывается в центре исследования.

Другими текстами с подобной «неустойчивой» спецификой являются древнеисландские саги и на них важно остановиться, так как в этой области методологическая парадигма сменилась совсем недавно. Речь идет о современном саговедении, черпающем вдохновение в идеях «новой филологии»¹⁵. Поворот к рукописям и вариации был вызван реакцией на предыдущую практику издания саг. В издательской традиции XIX–XX вв. предпочтение отдавалось «эkleктичной» реконструкции саг, т. е. публикации по определенному списку с выбором «лучших» чтений из различных рукописей. Таким образом в руки читателей и специалистов попадали саги в одной предпочитаемой издателями редакции, часто «улучшенной» — а в авторитетной академической серии *Íslensk fornrit* даже практически без критического аппарата (так называемого «подвала», где указываются разночтения).

14. Ср. подробнее о трансмиссии «Англосаксонской хроники» в работе Гимон Т. В. *Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси: Сравнительное исследование*. М., 2012. С. 370–375.

15. Ср. обзор современных работ в этом направлении: Svanhildur Óskarsdóttir. *Expanding Horizons: Recent Trends in Old Norse-Icelandic Manuscript Studies // New Medieval Literatures*. 2012. №14. P. 203–233.

Проблема, однако, в том, что саги принадлежат к «открытым» рукописным традициям (в широком значении этого термина, т. е. при переписывании в текст могли вноситься значительные изменения)¹⁶. Так, например, знаменитая и в России «Сага о Гисли» (*Gísla saga Súrssonar*) существует в трех редакциях, но только одна из них, краткая, обычно оказывалась в центре внимания исследователей как более близкая к «саговому стилю», а значит, по мнению издателей, к оригиналу, в то время как две другие считались позднейшими искажениями¹⁷. При близком же рассмотрении вариантов оказывается, что в других версиях содержатся вполне равнозначные чтения, скорее свидетельствующие об иных нарративных стратегиях их составителей/рассказчиков и также претендующие на первичность¹⁸. Проблему бы решила датировка хотя бы одной из версий, что, однако, не представляется возможным: «Сага о Гисли» разделяет судьбу остальных «родовых саг», анонимных и в большинстве случаев сохранившихся только в позднейших рукописях. Не раз «родовые саги» пытались датировать по их стилю, однако, чаще всего такие оценки оказываются спорными, так как у исследователей нет ни одного точно датированного текста «родовой саги»¹⁹. Таким образом, иерархическая модель первичной и вторичной редакции/версии здесь не подходит, так как она практически недоказуема. Намного более продуктивным оказывается взгляд на рукописную традицию «Саги о Гисли» не как на оригинал и его позднейшие переработки (на которые можно не смотреть), а как на несколько воплощений саги в том или ином виде, каждое из которых заслуживает специального изучения — именно этот подход сейчас наиболее популярен среди специалистов²⁰.

В целом, «новая» методология работы с сагами и вариацией между их версиями основывается на особенностях саг как материала: на их открытости к изменениям и на текущей и динамичной природе их трансмиссии; большую роль при восприятии рукописной традиции саг играет их укорененность в устной традиции²¹. Все это ведет к стремлению восстанавливать не «оригинал» саги или близкий к нему текст, а ее версии по ходу бытования рукописной традиции,

16. См. разборы отдельных случаев в сборниках *Creating the Medieval Saga: Versions, Variability and Editorial Interpretations of Old Norse Saga Literature* / ed. by E. Lethbridge, J. Quinn J. Odense, 2010; *New Studies in the Manuscript Tradition of Njáls saga. The historia mutilla of Njála* / ed. by E. Lethbridge, Svanhildur Óskarsdóttir. Kalamazoo, 2018.

17. Ср. подробные наблюдения над рукописной традицией «Саги о Гисли» в работе *Lethbridge E. Gísla Saga Súrssonar: Textual Variation, Editorial Constructions and Critical Interpretations* // *Creating the Medieval Saga: Versions, Variability and Editorial Interpretations of Old Norse Saga Literature* / ed. by E. Lethbridge, J. Quinn. Odense, 2010. P. 123–152.

18. Ibid. P. 146–149.

19. Ср. примеры критериев оценки первичности и вторичности версий саг по стилю в работе *Andersson Th. M. The Problem of Icelandic Saga Origins. A Historical Survey*. Yale, 1964. P. 129–182.

20. *Lethbridge E. Gísla Saga Súrssonar...* P. 126.

21. Ibid. P. 125.

рецепцию саги, отразившуюся в исправлениях, вставках, сменах нарративной стратегии и т.п. Эта перспектива очевидным образом отличается от фокуса исследователей при работе с произведениями античных авторов, когда, как показывает обзор в статье М. В. Шумилина, вариация чаще всего рассматривается как инструмент для восстановления архетипа, авторского текста. Учитывая указанные различия, в этом номере нам представлялось важным дать читателю возможность увидеть, как сейчас работают с вариацией специалисты по разным рукописным традициям; собрать в одном месте необходимую библиографию и характерные для этого поля исследовательские вопросы.

Однако желание объединить работы из разных областей знания привело к неожиданным результатам, связанным с терминологическими трудностями при разговоре о вариации и издательских практиках на *русском языке*. Главным образом, внимание следует обратить на термины «критика текста» и «текстология», не раз встречающиеся на страницах номера. Будто бы понятные внутри каждой отдельной науки (будь то библеистика, латинистика, романистика и т.п.), они вдруг теряют свою форму, стоит только при сопоставлении учесть славистику, где русский термин «текстология» и был выкован, а также наполнен определенным смыслом. Не претендуя ни на первое, ни на финальное слово в этом разговоре, в заключении этого эссе я попробую наметить то проблемное поле, которое этот номер, на мой взгляд, затрагивает.

Так, читателю, знакомому с отечественной *текстологией* древнерусской книжности, изложение идей «новой филологии» могло показаться знакомым. Дело в том, что на древнерусском материале многие из принципов «новых» филологов были концептуально сформулированы Д. С. Лихачевым еще в 60-е гг. XX в. Вместо реконструкции Лихачев предлагал изучать этапы истории произведения, отразившиеся в рукописной трансмиссии — подобное изучение истории текста в противовес «критике текста», нацеленной, по Лихачеву, только на его исправление перед изучением, Лихачев называл «текстологией»²². За этапами истории сложения того или иного произведения предлагалось видеть мировоззрение

22. Лихачев Д. С. Текстология... С. 32–33.

составителя каждого такого «этапа»: «История текста памятника стала рассматриваться в самой тесной связи с мировоззрением, идеологией авторов, составителей тех или иных редакций памятников и их переписчиков. История текста явилась в известной мере историей их создателей и отчасти... их читателей»²³. Как и «новые филологи» позднее, Лихачев видел историю трансмиссии древнерусских произведений как вереницу воплощений текста с новыми чертами и новыми авторами. Для этого необходимо было изучать все разночтения в совокупности — сначала в контексте одной рукописи, а затем и группы рукописей²⁴.

Идея Лихачева не появилась сама по себе. С одной стороны, она возникла на почве, удобренной трудами формалистов о динамике развития литературы²⁵. С другой стороны, «текстология» была укоренена в материале, с которым работал Лихачев и его предшественники. Известно, что в своем подходе Лихачев опирался на метод, впервые разработанный А. А. Шахматовым при работе с древнерусским летописанием²⁶. Чтобы понять «текстологический» подход, необходимо остановиться на Шахматове и летописании подробнее.

Шахматов занимался древнейшей русской летописью, «Повестью временных лет», которая сохранилась только в позднейших летописных сводах. Определение текста «Повести» является очень трудной задачей: мешает и существенная разница между ее изводами (версиями), и гетерогенность текста летописи, проявляющаяся в заметных «нестыковках» между фрагментами, и в его стилистической неоднородности. Эту гетерогенность в летописеведении XIX столетия было принято объяснять тем, что переписчики механически сводили разные тексты в один²⁷. Шахматов же предположил, что сводческая деятельность летописцев была сознательной, а значит за неоднородностью текста «Повести» стоят разные авторы с разными мировоззрениями. Эта мысль позволила Шахматову предположить, что в тексте «Повести временных лет» сохранились следы предыдущих летописных сводов, предыдущих летописцев. В результате, задачей Шахматова было восстановить все этапы развития начальной летописи, а затем и ее древнейший вариант²⁸. В такой перспективе, «Повесть

23. Ibid. С. 33.

24. Ibid. С. 38. Лихачев противопоставлял такое всестороннее изучение разночтений сбору ошибок в рукописях, которым, по его мнению, занимались сторонники реконструкции по Лахману. Очевидно, однако, что для выбора «лучших» чтений создателям реконструкций тоже нужно работать со всем корпусом разночтений, к простой механике этот метод не сводится. См. подробнее Буланин Д. М. Текстология древнерусской литературы... С. 26–27.

25. В среде формалистов и был выкован термин «текстология». См. подробнее Picchio R., Goldblatt H. The Formalist Approach and the Study of Medieval Orthodox Slavic Literature // Russian Formalism: A Retrospective Glimpse: A Festschrift in Honor of Victor Erlich. New Haven, 1985. P. 272–288, а также Буланин, Д. М. Текстология древнерусской литературы... С. 22–24.

26. Буланин Д. М. Текстология древнерусской литературы... С. 24–25. Ср. работы, собранные в Шахматов А. А. История русского летописания. В 2-х т. СПб., 2002.

27. См. обзор летописеведения XIX в. в: Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М., 1947. С. 12–14.

28. О методе Шахматова см. Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение... С. 17–19.

временных лет», какой мы ее видим в составе позднейших летописных сводов, оказывалась лишь одним из этапов становления древнерусского летописания.

Хотя теория Шахматова не раз подвергалась критике, его взгляд на начальное летописание как на динамичный процесс остается непоколебим в летописеведении²⁹. В результате, характерно, что в отечественной традиции нет авторитетного издания «Повести временных лет» как таковой: существует два издания-перевода «Повести» по Ипатьевскому и по Лаврентьевскому спискам³⁰, а также ее дипломатические издания в составе древнерусских летописей в серии ПСРЛ (Т. 1-3). После работы Шахматова все опубликованные попытки реконструкции принадлежат зарубежным специалистам и не являются основным критическим изданием в его традиционном понимании — при работе с «Повестью» специалисты обычно цитируют ту или иную версию по ПСРЛ³¹.

Кардинально важной особенностью подхода Лихачева было то, что он в своей концепции «текстологии» распространил специфику летописания как «открытой» традиции на всю древнерусскую книжность. Это распространение имело свои последствия. Как отметил Д. М. Буланин, будучи единственным теоретическим трудом на русском языке о работе с древнерусской рукописной традицией, «Текстология» Лихачева сильно повлияла на славистов, имеющих дело со средневековыми текстами³². Одним из следствий этого влияния стала склонность издателей памятников древнерусской словесности к тому, что М. В. Шумилин называет «антирецензионизмом»: для текстологии древнерусской словесности характерны отказ от реконструкции и публикация нескольких редакций произведения с целью выстроить историю его сложения (ср. ситуацию с начальным летописанием, описанную выше, или например, существующие публикации сочинений Кирика Новгородца³³). В результате, слово «текстология» у человека, знакомого со славистикой, ассоциируется именно с этим большим акцентом на историю текста.

Различению понятий «текстология» и «критика текста» поспособствовала и последующая критика подхода Лихачева,

29. Ср. обзор существующих подходов к текстологии начального летописания в работе *Gunnhus A. A.* Два начала Начальной летописи: к истории композиции Повести временных лет // Вереница литер. К 60-летию В. М. Живова. М., 2006. С. 57–96, а также работы *Sorlin I.* Les premières années byzantines du Récit des temps passés // *Revue des études slaves.* 1991. Vol. 63(1). P. 9–18; *Цукерман К.* Наблюдения над сложением древнейших источников летописи // Борисо-глебский сборник = *Collectanea Borisoglebica.* Paris, 2009. Вып. I. С. 183–305; *Гимон Т. В.* Историописание раннесредневековой Англии... С. 210–216; *Мухеев С. М.* Кто писал «Повесть временных лет»? М., 2011 и др. С критикой теории Шахматова можно ознакомиться, например, в работах *Вилкул Т. Л.* Новгородская первая летопись и Начальный свод // *Palaeoslavica.* 2003. Vol. XI. P. 5–35; *Ostrowski D.* The Načal'nyj Svod Theory and the Povest Vremennyx Let // *Russian Linguistics.* 2007. Vol. 31(3). P. 269–308.

30. Повесть временных лет. По Лаврентьевской летописи 1377 г. / вст. статья, пер. и комм. Д. С. Лихачев; под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950. Т. 1–2; Повесть временных лет / подг. текста, пер. и комм. О. В. Творогова // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1997. Т. 1. Последний перевод выполнен по Ипатьевской летописи.

31. После Шахматова реконструкция «Повести временных лет» предпринималась С. А. Бугославским (но текст был утерян и не опубликован), Л. Мюллером в его переводе «Повести временных лет» на немецкий язык (*Die Nestorchronik... / hrsg. L. Müller.* Bd 4. München, 2001) и Д. Островским в его коллажи (*The Povest' vremennyx let: An Interlinear Collation and Paradosis* // ed. by D. Ostrowski, D. J. Birnbaum and H. G. Lunt. Cambridge, 2003. URL: <http://pvl.obdurodon.org/pvl.html>). [31] >

32, 33 >

поставившая под вопрос правомерность подобного распространения методологии, адекватной для летописеведения, на всю древнерусскую рукописную традицию — ведь в древнерусской книжности (не)устойчивость текстов не была одинаковой³⁴. В связи с этим, например, итальянский славист Р. Пиккио предлагал осознанно выбирать между различными издательскими стратегиями в зависимости от объекта исследования: использовать методы «критики текста» при работе с произведениями, имеющими конкретного автора, и методы, близкие к методологии фольклористики (сюда попадает «текстология» Лихачева), при работе с произведениями «не авторскими»³⁵. Таким образом, оперируя в русскоязычном медиевистическом пространстве — которое включает в себя и славистов тоже — понятием «текстология», необходимо уточнять, что именно автор в это понятие вкладывает: нечто общее, включающее в себя и критику, и историю текста, или же именно метод, подразумевающий акцент на последней. Возможно, с течением времени и с постепенным прояснением термина «текстология» подобных оговорок делать уже не придется.

Мир средневековых рукописных традиций не был гомогенен — их различные формы требуют своего исследования. Попыткой очертить это поле, наметить его границы и стал нынешний номер *Vox medii aevi*. Его содержание ни в коем случае не исчерпывает заявленную тему — подобная работа по сбору и анализу различных подходов к вариации должна продолжиться и в будущем. Хочется верить, что таким образом — через сопоставление методов и материала, обсуждение и прояснение общей терминологии — удастся наладить мосты взаимопонимания даже между самыми далекими областями науки об истории и издании текстов древности.

< [31] Подробнее обо всех трех реконструкциях см. в *Гиппиус А. А.* О критике текста и новом переводе-реконструкции «Повести временных лет» // *Russian Linguistics*. 2002. Vol. 26. P. 63–126.

32. Буланин Д. М. Текстология древнерусской литературы... С. 30.

33. Вопросание Кириково / подг. текста, пер. В. В. Милькова; коммент. П. И. Гайденко, А. И. Макарова и В. В. Милькова // *Мильков В. В., Симонов Р. А.* Кирик Новгородец: ученый и мыслитель. М., 2011. С. 351–539; Учение о числах / подг. текста В. В. Милькова, А. А. Романовой; пер. В. П. Зубова, Т. И. Коншина; коммент. В. В. Милькова, Р. А. Симонова // *Мильков В. В., Симонов Р. А.* Кирик Новгородец: ученый и мыслитель. М., 2011. С. 301–350 (благодарю А. А. Фитискину за обращение моего внимания на эти издания). Ср. также примеры в Буланин Д. М. Текстология древнерусской литературы... С. 44–46.

34. Буланин Д. М. Текстология древнерусской литературы... С. 30.

35. Пиккио Р. К вопросу о древнерусской письменной традиции // *Пиккио Р.* *Slavia Orthodoxa: Литература и язык*. М., 2003. С. 174–175. О схожем взгляде на текстологию как на одно из методологических направлений пишет и Д. М. Буланин (*Буланин Д. М.* Текстология древнерусской литературы... С. 44).

СОКРАЩЕНИЯ

1. ТОДРЛ – Труды отдела древнерусской литературы.
2. ПСРЛ – Полное собрание русских летописей. СПб./Пг./Л.; М., 1841-2004. Т. 1–43.

ИСТОЧНИКИ

1. Вопрошание Кириково / подг. текста, пер. В. В. Милькова; коммент. П. И. Гайденко, А. И. Макарова и В. В. Милькова // Мильков В. В., Симонов Р. А. Кирик Новгородец: ученый и мыслитель. Москва, 2011. С. 351–539.
2. *Григорий Турский*. История франков / пер. В. Д. Савуковой. Москва: Наука. 1987.
3. Повесть временных лет. По Лаврентьевской летописи 1377 г. / вст. статья, пер. и комм. Д. С. Лихачева; под ред. В. П. Адриановой-Перетц. Москва; Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1950. Т. 1–2.
4. Повесть временных лет / подг. текста, пер. и комм. О. В. Творогова // Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Понырко. Санкт-Петербург: Наука, 1997. Т. 1.
5. Полное собрание русских летописей. Санкт-Петербург/Петроград/Ленинград; Москва, 1841–2004. Т. 1–43.
6. Учение о числах / подг. текста В. В. Милькова, А. А. Романовой; пер. В. П. Зубова, Т. И. Коншина; коммент. В. В. Милькова, Р. А. Симонова // Мильков В. В., Симонов Р. А. Кирик Новгородец: ученый и мыслитель. Москва, 2011. С. 301–350.
7. Die altrussische Chronik, zugeschrieben dem Mönch des Kiever Höhlenklosters Nestor, in der Redaktion des Abtes Sil'vestr aus dem Jahre 1116, rekonstruiert nach den Handschriften Lavrent'evskaja, Radzivilovskaja, Akademičeskaja, Troickaja, Ipat'evskaja und Chlebnikovskaja und ins Deutsche übersetzt von Ludolf Müller / hrsg. von L. Müller. Bd. 4. München, 2001.
8. *Jean Renart*. Le lai de l'ombre / publié par J. Bedier. Paris: Firmin-Didot, 1913.
9. The Povest' vremennyx let: An Interlinear Collation and Paradosis // ed. by D. Ostrowski, D. J. Birnbaum and H. G. Lunt. Cambridge: Harvard Ukrainian Research Institute, 2003. URL: <http://pvl.obdurodon.org/pvl.html> (дата обращения: 28.09.2020).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алексеев А. А.* Перспективы текстологии: от реконструкции архетипа к истории текста // Труды отдела древнерусской литературы. 2003. Т. 54. С. 50–57.
2. *Ауэрбах Э.* Мимесис. Изображение действительности в западноевропейской литературе. Москва: ПЕР СЭ; Санкт-Петербург: Университетская книга, 2000.
3. *Буланин Д. М.* Текстология древнерусской литературы: Ретроспективные заметки по методологии // Русская литература. 2014. №1. С. 18–51.
4. *Вилкул Т. Л.* Новгородская первая летопись и Начальный свод // *Palaeoslavica*. Cambridge (MA), 2003. Vol. XI. P. 5–35.
5. *Вовина-Лебедева В. Г. К.* Лахман и А. А. Шахматов // *Canadian-American Slavic Studies*. 2016. Vol. 50(1). С. 25–40.
6. *Гимон Т. В.* Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси: Сравнительное исследование. Москва: Университет Дмитрия Пожарского, 2012.
7. *Гиппиус А. А.* О критике текста и новом переводе-реконструкции «Повести временных лет» // *Russian Linguistics*. 2002. Vol. 26. P. 63–126.
8. *Гиппиус А. А.* Два начала Начальной летописи: к истории композиции Повести временных лет // Вереница литер. К 60-летию В. М. Живова. Москва: Языки славянской культуры, 2006. С. 57–96.
9. *Живов В. М.* История языка русской письменности: В 2 т. Москва: Университет Дмитрия Пожарского, 2017.
10. *Лихачев Д. С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. Москва: Издательство Академии наук СССР, 1947.
11. *Лихачев Д. С.* Текстология. Москва: Алетейя, 2001.
12. *Мецгер Б. М.* Текстология Нового Завета. Рукописная традиция, возникновение искажений и реконструкция оригинала. Пер. с англ. Д. Браткин. 2-е изд. Москва: Издательство ББИ, 2018.
13. *Михеев С. М.* Кто писал «Повесть временных лет»? Москва: Индрик, 2011.
14. *Пиккио Р.* К вопросу о древнерусской письменной традиции // Пиккио Р. *Slavia Orthodoxa: Литература и язык*. Москва: Языки славянской культуры, 2003. С. 163–180.
15. *Россиус А. А.* Еще раз о гомеровском вопросе и о рождении филологического метода // Новое литературное обозрение. 2005. №3. С. 182–186.
16. *Цукерман К.* Наблюдения над сложением древнейших источников летописи // Борисо-глебский сборник = *Collectanea Borisoglebica*. Paris, 2009. Вып. I. С. 183–305.
17. *Шахматов А. А.* История русского летописания. В 2-х т. Санкт-Петербург: Наука, 2002.

18. *Andersson Th. M.* The Problem of Icelandic Saga Origins. A Historical Survey. Yale: Yale University Press, 1964. P. 129–182.
19. *Baun J.* Tales from Another Byzantium: Celestial Journey and Local Community in the Medieval Greek Apocrypha. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.
20. *Bédier J.* La tradition manuscrite du Lai de l'Ombre: réflexions sur l'art d'éditer les anciens textes // Romania. 1928. Vol. 54. P. 161–196.
21. *Cerquiglini B.* Éloge de la variante. Histoire critique de la philologie. Paris: Seuil, 1989.
22. *Cerquiglini B.* In Praise of the Variant: A Critical History of Philology / trans. by Betsy Wing. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1999.
23. Creating the Medieval Saga: Versions, Variability and Editorial Interpretations of Old Norse Saga Literature / ed. by E. Lethbridge, J. Quinn. Odense: University Press of Southern Denmark, 2010.
24. *Lethbridge E.* Gísla Saga Súrssonar: Textual Variation, Editorial Constructions and Critical Interpretations // Creating the Medieval Saga: Versions, Variability and Editorial Interpretations of Old Norse Saga Literature / ed. by E. Lethbridge, J. Quinn. Odense: University Press of Southern Denmark, 2010. P. 123–152.
25. *Maas P.* Textkritik. Leipzig: B.G. Teubner, 1960.
26. New Studies in the Manuscript Tradition of Njáls saga. The historia mutila of Njála / ed. by E. Lethbridge, Svanhildur Óskarsdóttir. Kalamazoo: Medieval Institute Publications, 2018.
27. *Nichols S. G.* Introduction: Philology in a Manuscript Culture // Speculum: A Journal of Medieval Studies. 1990. Vol. 65(1). P. 1–10.
28. *Ostrowski D.* The Načal'nyj Svod Theory and the Povest Vremennyx Let // Russian Linguistics. 2007. Vol. 31(3). P. 269–308.
29. *Picchio R., Goldblatt H.* The Formalist Approach and the Study of Medieval Orthodox Slavic Literature // Russian Formalism: A Retrospective Glance: A Festschrift in Honor of Victor Erlich. New Haven: Slavica Pub, 1985. P. 272–288.
30. *Sorlin I.* Les premières années byzantines du Récit des temps passés // Revue des études slaves. 1991. Vol. 63(1). P. 9-18.
31. *Svanhildur Óskarsdóttir.* Expanding Horizons: Recent Trends in Old Norse-Icelandic Manuscript Studies // New Medieval Literatures. 2012. №14. P. 203–233.
32. *Timpanaro S.* The Genesis of Lachmann's Method / trans. by G. W. Most. Chicago, London: University Of Chicago Press, 2005.
33. *Wolf F. A.* Prolegomena ad Homerum. Halis Saxonom: E Libraria orphanotrophei, 1795.

